

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статей 111, 114 и части третьей статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Пономарева Павла Васильевича

город Санкт-Петербург

24 апреля 2026 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статей 111, 114 и части третьей статьи 133 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина П.В.Пономарева. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика М.Б.Лобова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Статья 111 УПК Российской Федерации наделяет дознавателя, следователя и суд правом применять к подозреваемому или обвиняемому меры процессуального принуждения, в том числе временное отстранение от должности, в целях обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора. Правила применения данной меры судом по ходатайству следователя с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора закреплены статьей 114 этого Кодекса, которая среди прочего предусматривает, что временное отстранение от должности отменяется на основании постановления дознавателя или следователя, когда в применении данной меры отпадает необходимость. Согласно части третьей статьи 133 этого Кодекса право на возмещение вреда в порядке, установленном его главой 18 о реабилитации, имеет любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

1.1. Постановлением судьи Ленинского районного суда города Воронежа от 14 июня 2017 года гражданин П.В.Пономарев был временно отстранен от замещаемой с 2013 года должности главы администрации Хохольского муниципального района Воронежской области в связи с возбуждением 17 мая 2017 года в отношении него уголовного дела по подозрению в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 286 «Превышение должностных полномочий» УК Российской Федерации.

Законность возбуждения указанного уголовного дела являлась предметом судебной проверки. Постановлением судьи Ленинского районного

суда города Воронежа от 28 июня 2017 года отказано в удовлетворении жалобы адвокатов, поданной в интересах П.В.Пономарева в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации, на постановление о возбуждении уголовного дела. Судья указал, что заявитель не относится к категории лиц, замещающих выборные муниципальные должности, и в отношении него должен применяться общий порядок возбуждения уголовного дела. Правомерность данного вывода подтверждена апелляционным постановлением Воронежского областного суда от 21 августа 2017 года. В передаче кассационной жалобы на названные судебные решения для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано постановлением судьи Воронежского областного суда от 28 декабря 2017 года.

Постановлением от 14 мая 2018 года судья Верховного Суда Российской Федерации передал указанную кассационную жалобу для рассмотрения в судебном заседании президиума Воронежского областного суда, признав заслуживающими внимания доводы о том, что П.В.Пономарев является выборным должностным лицом местного самоуправления и что решение о возбуждении уголовного дела в отношении него должно приниматься в особом порядке, а именно руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации. Постановлением президиума названного суда от 27 июня 2018 года упомянутые решения судов первой и апелляционной инстанций отменены и материалы по жалобе направлены на новое рассмотрение в тот же суд первой инстанции в ином составе.

При новом рассмотрении жалоба была оставлена без удовлетворения постановлением судьи Ленинского районного суда города Воронежа от 30 июля 2018 года. Суд, сославшись помимо прочего на положения статей 36 и 37 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в настоящее время утратили силу), отклонил доводы адвокатов П.В.Пономарева о том, что он избран главой муниципального образования и

является выборным должностным лицом местного самоуправления. Суд указал, что заявитель назначен на должность главы администрации муниципального образования по контракту, заключенному по результатам конкурса на замещение данной должности муниципальной службы, соответственно к нему не применяются особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, предусмотренные статьями 447–451 УПК Российской Федерации.

17 сентября 2018 года контракт с П.В.Пономаревым был расторгнут ввиду истечения срока его действия, мера процессуального принуждения, примененная к заявителю, прекратила действие.

Постановлением руководителя следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Воронежской области от 12 октября 2018 года постановление следователя от 17 мая 2017 года о возбуждении уголовного дела отменено как необоснованное: при принятии такого решения следователь не получил достаточных данных, позволяющих – исходя из осуществляемых П.В.Пономаревым полномочий – определить, отвечает ли заявитель признакам специального субъекта, в отношении которого должен применяться особый порядок производства по уголовным делам, предусмотренный статьями 447–451 УПК Российской Федерации. Руководителем указанного следственного управления 14 октября 2018 года по признакам того же преступления вынесено новое постановление о возбуждении в отношении П.В.Пономарева уголовного дела.

Приговором Железнодорожного районного суда города Воронежа от 5 октября 2020 года П.В.Пономарев осужден за совершение указанного преступления. После вступления в законную силу приговора его адвокат обратился в суд с требованием о возмещении П.В.Пономареву вреда, причиненного временным отстранением от должности в период с 14 июня 2017 года по 17 сентября 2018 года. Обращение было мотивировано тем, что данная мера принуждения является незаконной в связи с отменой постановления следователя о возбуждении в отношении заявителя уголовного дела от 17 мая 2017 года.

Постановлением судьи Хохольского районного суда Воронежской области от 27 сентября 2023 года, оставленным без изменения апелляционным постановлением Воронежского областного суда от 18 декабря 2023 года, в удовлетворении предъявленного требования отказано. С этим согласились суды кассационной инстанции (постановление судьи Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2024 года, постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 2 декабря 2024 года). Суды исходили из того, что данная мера принуждения была применена в ходе уголовного преследования П.В.Пономарева по обвинению, которое в ходе судебного заседания по делу было подтверждено, и это нашло отражение во вступившем в законную силу приговоре. Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что процессуальные нарушения, допущенные при первоначальном возбуждении уголовного дела, были устранены, поскольку было вынесено новое постановление о возбуждении уголовного дела.

1.2. П.В.Пономарев просит признать не соответствующими статьям 52 и 53 Конституции Российской Федерации следующие положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

статьи 111 и 114 в той мере, в какой они позволяют произвольно отстранять от должности лицо, в отношении которого уголовное дело признано возбужденным незаконно;

часть третью статьи 133, поскольку она исключает право на возмещение в порядке, установленном главой 18 УПК Российской Федерации, вреда, причиненного лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу (а в последующем осужденному по этим же фактам, но в рамках вновь возбужденного уголовного дела).

1.3. В период изучения Конституционным Судом Российской Федерации жалобы П.В.Пономарева заместителем Генерального прокурора Российской Федерации 8 сентября 2025 года в Первый кассационный суд общей юрисдикции принесено кассационное представление об отмене

постановления Хохольского районного суда Воронежской области от 27 сентября 2023 года и апелляционного постановления Воронежского областного суда от 18 декабря 2023 года, которыми отказано в возмещении П.В.Пономареву имущественного вреда в соответствии с положениями части третьей статьи 133 УПК Российской Федерации. Постановлением от 20 января 2026 года кассационное представление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации удовлетворено; указанные постановления отменены, дело передано на новое судебное рассмотрение в Хохольский районный суд Воронежской области в ином составе.

Исходя из целей самостоятельного и независимого осуществления судебной власти посредством конституционного судопроизводства (статья 125, часть 1 и пункт «а» части 4, во взаимосвязи со статьей 118, часть 2; статьей 120, часть 1, и статьей 126 Конституции Российской Федерации; статья 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») и в силу пункта 3 части первой статьи 3, части второй статьи 36, части второй статьи 68, статей 96 и 97 указанного Федерального конституционного закона Конституционный Суд Российской Федерации – установив соответствие обращения заявителя требованиям допустимости, предъявляемым к конституционной жалобе, включая исчерпание всех других внутригосударственных средств судебной защиты, и неопределенность в вопросе о соответствии оспариваемых законоположений Конституции Российской Федерации – полномочен рассмотреть настоящее дело.

Определяя предмет рассмотрения по делу в порядке конкретного нормоконтроля, Конституционный Суд Российской Федерации связан не только предметом, указанным в жалобе, и тем, конституционность какой части акта подвергается сомнению в обращении (часть третья статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), но и самой природой этой формы нормоконтроля, в силу которой он не может абстрагироваться от тех особенностей содержания имевших место в конкретных делах правоотношений, которые

обусловлены оспариваемыми нормами и иными положениями, подлежащими применению в данных делах (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2025 года № 3-П и от 20 января 2026 года № 2-П). При этом он оценивает не только буквальный смысл оспариваемой нормы и ее место в системе правовых актов, но и смысл, придаваемый ей официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу (часть вторая статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Таким образом, исходя из предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» статьи 111, 114 и часть третья статьи 133 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на их основании решается вопрос о праве осужденного лица на возмещение имущественного вреда (утраченной заработной платы), причиненного временным отстранением его от должности вследствие подозрения в совершении им должностного преступления, подтвержденного впоследствии вступившим в законную силу обвинительным приговором.

2. Согласно Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность публичной власти и обеспечиваются правосудием. Органы публичной власти, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Совершение правонарушения допускает (предполагает) привлечение к ответственности, включая уголовную, и может служить предпосылкой для ограничения на основании федерального закона прав и свобод в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Исходя из принципа равенства всех перед законом

и судом ограничения прав и свобод человека и гражданина допускаются независимо от его должностного положения при наличии на то оснований и в порядке, предусмотренном законом (статья 15, часть 2; статья 17, часть 3; статья 18; статья 19, части 1 и 2; статья 54, часть 2; статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в», «г», «м», «о»).

Выход должностного лица за установленные законом пределы его полномочий и тем более совершение им преступления с использованием его должностного положения чреватой существенной угрозой конституционным правам и свободам граждан, охраняемым публичным интересам. Соответственно, уголовное преследование за должностное преступление может повлечь ограничение исполнения подозреваемым (обвиняемым) своих полномочий с целью предотвращения их использования для воспрепятствования производству по уголовному делу или возможного продолжения преступной деятельности.

Предусматривая в законе конституционно обоснованные меры процессуального принуждения по уголовному делу, федеральный законодатель также обязан обеспечить – в силу статей 52 и 53 Конституции Российской Федерации – эффективные механизмы для предотвращения, выявления и устранения возможных при использовании этих мер процессуальных нарушений, допущенных на разных стадиях уголовного судопроизводства, а также для возмещения причиненного такими нарушениями вреда. По смыслу указанных конституционных положений и реализующих их предписаний уголовно-процессуального закона восстановление нарушенных уголовным преследованием прав подозреваемых (обвиняемых) в такой же мере отвечает назначению уголовного судопроизводства, что и уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания (часть вторая статьи 6 УПК Российской Федерации). Сказанное всецело относится к восстановлению прав, нарушенных незаконным применением мер процессуального принуждения, включая временное отстранение подозреваемого (обвиняемого) от должности.

Конституция Российской Федерации не предоставляет право произвольного выбора конкретных форм такого возмещения, поскольку порядок и условия его реализации опосредуются законодательным регулированием. Закрепление в законе тех или иных инструментов возмещения вреда, будучи обусловленным особенностями соответствующих правоотношений, во всяком случае не должно приводить к нарушению основополагающих правовых принципов, включая принципы справедливости и равенства (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2020 года № 36-П, от 12 июля 2023 года № 39-П и от 15 октября 2024 года № 46-П).

Реализуя указанные конституционные принципы и предписания, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает право на реабилитацию, включая восстановление в правах и возмещение вреда, причиненного гражданину в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием, а также право на возмещение вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу (пункт 35 статьи 5; статья 6; глава 18). Тем самым уголовно-процессуальный закон различает лиц, имеющих право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием (часть вторая статьи 133), и лиц, незаконно подвергнутых мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу (часть третья статьи 133). Последние, не имея права на реабилитацию, наделены правом на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 данного Кодекса, в случае установления в определенном уголовно-процессуальном законом порядке незаконности применения таких мер (части первая и вторая статьи 1, часть четвертая статьи 7, часть вторая статьи 10, часть четвертая статьи 11, статья 19, пункты 6 и 10 части второй статьи 37, пункты 2¹, 6 и 7 части первой статьи 39, раздел IV, статьи 123–125 и 127 УПК Российской Федерации).

3. Важным условием правомерности мер уголовно-процессуального принуждения является то, что они могут применяться лишь в рамках

уголовного судопроизводства. Их же применение в отрыве от уголовного дела недопустимо и как незаконное порождает право на возмещение государством вреда, причиненного применением таких мер.

Временное отстранение от должности применяется только в отношении подозреваемого или обвиняемого и только при наличии достаточных оснований полагать, что он, замещая эту должность, продолжит преступную деятельность, будет угрожать участникам уголовного судопроизводства или другим способом воздействовать на них с целью добиться с их стороны определенных действий или решений, сможет уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 года № 429-О, от 29 января 2009 года № 15-О-О, от 18 сентября 2014 года № 1872-О, от 25 мая 2017 года № 1157-О, от 30 января 2020 года № 242-О и др.). Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, данная мера имеет общий для всех лиц, обладающих тем или иным должностным статусом, характер, а значит, может быть применена вне зависимости от наличия у них статуса специального субъекта, которым они – в силу своих функций и порядка их назначения на должность – могут быть наделены процессуальным законом (определения от 18 сентября 2014 года № 1872-О, от 25 октября 2016 года № 2366-О и др.).

3.1. Фундаментальной гарантией законности и обоснованности упомянутой меры принуждения, как и допустимости связанных с ней ограничений трудовых прав подозреваемого (обвиняемого), служит предусмотренный уголовно-процессуальным законом судебный порядок ее применения. Ходатайство о временном отстранении от должности направляется в суд следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора (часть первая статьи 114 УПК Российской Федерации). Окончательное же решение о возможности применения данной меры принимается судьей (часть вторая статьи 114 УПК Российской Федерации). Это позволяет подозреваемому (обвиняемому), его защитнику в ходе судебного заседания очно представить свою позицию по

существо рассматриваемого вопроса и впоследствии обжаловать решение суда в суды вышестоящих инстанций в порядке, установленном главами 45¹ и 47¹ УПК Российской Федерации.

Законность принятого судом решения о временном отстранении от должности может быть опровергнута в установленном законом порядке, в частности судами апелляционной и кассационной инстанций. Отсутствие опровержения в установленном порядке законности и обоснованности решения о применении такой меры вышестоящими судами подтверждает его правосудность.

Временное отстранение подозреваемого (обвиняемого) от должности также может быть отменено постановлением следователя (дознателя) и без отмены судебного решения о ее применении, когда в применении такой меры отпала необходимость (часть четвертая статьи 114 УПК Российской Федерации). Такое постановление само по себе не свидетельствует, однако, о незаконном применении данной меры к подозреваемому (обвиняемому) до ее отмены.

3.2. Соблюдение конституционных прав лица, в отношении которого избирается мера уголовно-процессуального принуждения в виде его временного отстранения от должности, обеспечивается не только изложенными нормативными гарантиями судебного контроля обоснованности и законности данной меры принуждения, но и обязанностью судов при рассмотрении таких дел исследовать фактические обстоятельства по существу, не ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы, с тем чтобы право на судебную защиту не было ущемленным, а принятое решение отвечало бы общеправовому принципу справедливости (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 1995 года № 7-П, от 20 апреля 2006 года № 4-П, от 22 апреля 2011 года № 5-П, от 16 октября 2012 года № 22-П, от 20 октября 2022 года № 45-П, от 19 ноября 2024 года № 53-П и др.).

Законность мер уголовно-процессуального принуждения должна оцениваться не только в формальном, но и содержательном смысле, включая

соблюдение оснований и условий их применения. Применение таковых во всяком случае не является ни законным, ни обоснованным, если действия, вменяемые лицу, в момент их совершения не составляли запрещенное уголовным законом деяние (отсутствовали признаки преступления) или если применение указанной меры является произвольным или тем более сопровождается злоупотреблением властью (в том числе при нарушении установленного законом особого порядка уголовного преследования в отношении отдельных категорий лиц).

Соответственно, предполагается, что, разрешая вопрос о применении меры процессуального принуждения, судья не просто соглашается или не соглашается с ходатайством следователя (дознателя), а принимает решение исходя из анализа всей совокупности фактов и обстоятельств, предоставив подозреваемому (обвиняемому), его защитнику право лично высказать по этому поводу свою позицию в ходе судебного заседания. К числу подлежащих оценке существенных обстоятельств дела относится и вопрос о том, принадлежит ли должностное лицо к категории лиц, в отношении которых законом установлен особый порядок возбуждения уголовного дела, и соблюден ли он в конкретном деле. Осуществляющие же производство по уголовному делу должностные лица, принимая процессуальные решения в рамках предоставленных им законом полномочий по уголовному преследованию, не вправе переоценивать выводы, к которым пришел суд.

Таким образом, если суд, разрешая ходатайство следователя (дознателя), временно отстранил подозреваемого (обвиняемого) от должности, дальнейшее процессуальное решение руководителя следственного органа об отмене постановления следователя о возбуждении уголовного дела, как это произошло в деле заявителя, само по себе не может выступать средством оценки законности указанного судебного решения. Иное приводило бы к неуставленной законом переоценке выводов суда и обесценивало бы его решение как акт правосудия. Сказанное тем более очевидно в рассматриваемой ситуации, поскольку отмена постановления следователя о возбуждении уголовного дела в отношении заявителя

произошла уже после того, как примененная судом мера процессуального принуждения в виде его временного отстранения от должности прекратила свое действие и после подтверждения судом отсутствия у обвиняемого статуса выборного должностного лица, к которому применим особый порядок возбуждения уголовного дела.

Кроме того, факт отмены того или иного процессуального решения, в том числе постановления о возбуждении уголовного дела, сам по себе однозначно не свидетельствует ни о завершении производства по уголовному делу, ни о незаконности уголовного преследования (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 года № 185-О и от 25 апреля 2019 года № 956-О).

3.3. По смыслу статьи 49 Конституции Российской Федерации виновность лица, обвиняемого в совершении преступления, подлежит доказыванию в предусмотренном законом порядке. Обвинительный приговор, вступивший в законную силу, снимает сомнения в виновности лица в совершении преступления, которая более (далее) не нуждается в доказывании.

Вступление в законную силу приговора констатирует и событие преступления, и совершение такового конкретным лицом, и его вину (часть первая статьи 299, статья 307, часть первая статьи 308 УПК Российской Федерации), что подтверждает обоснованность возбуждения уголовного дела по признакам преступления, как и основательность состоявшегося уголовного преследования в целом. Подтверждает обвинительный приговор и отсутствие предпосылок как для реабилитации осужденного в связи с его уголовным преследованием по нашедшему подтверждение в судебном процессе обвинению, так и для возмещения связанного с этим вреда при условиях, определенных уголовно-процессуальным законом (часть вторая статьи 133, часть первая статьи 134 и статья 135 УПК Российской Федерации).

В то же время подтверждение виновности лица вступившим в законную силу приговором не исключает его права на возмещение вреда,

причиненного ему незаконным применением меры процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу. Законность и обоснованность таких мер, как и любых других процессуальных действий (бездействия) и решений в отношении подозреваемого (обвиняемого), могут быть оценены, подтверждены или опровергнуты в установленном законом порядке, в частности, судом при постановлении приговора или в рамках иных предусмотренных законом процедур (например, прокурорского надзора, ведомственного контроля за законностью действий, бездействия должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование и обязанных своевременно отменять санкционированные судом меры процессуального принуждения, когда в их применении отпадает необходимость).

Признание же незаконным применения указанных мер дает основания для возмещения вреда в порядке, установленном главой 18 УПК Российской Федерации. При этом последняя не содержит положений, предназначенных для проверки законности или незаконности примененных мер процессуального принуждения, и не может подменять собой процедуры обжалования судебных решений в апелляционном и кассационном порядке. Исходя из взаимосвязанных предписаний части третьей статьи 133 и статьи 134 УПК Российской Федерации, в порядке его главы 18 признается и реализуется право на возмещение вреда при том условии, что факт незаконного применения меры принуждения ранее уже установлен.

4. Отмена постановления о возбуждении уголовного дела ставит под сомнение сущностную основательность уголовного преследования, поскольку оно обусловлено наличием действительного производства по уголовному делу и, соответственно, действительного акта о его возбуждении. В случае прекращения уголовного дела или уголовного преследования по реабилитирующим основаниям возникает право на реабилитацию, предполагающее, среди прочего, возмещение заработной платы, которой подозреваемый (обвиняемый) лишился в результате уголовного преследования. При отсутствии же такового суд тем не менее вправе в

установленном законом порядке дать оценку мерам процессуального принуждения, примененным при производстве по уголовному делу, которая также может служить предпосылкой для возмещения вреда в случае признания их незаконными, в том числе в связи с таким фактом, как отмена постановления о возбуждении уголовного дела.

Вместе с тем – вне зависимости от причин отмены руководителем следственного органа постановления следователя о возбуждении уголовного дела в отношении подозреваемого (обвиняемого) с целью исправления вероятной или реально допущенной, по его мнению, процессуальной ошибки – немедленное возбуждение им же уголовного дела по идентичным основаниям и признакам того же преступления явственно свидетельствует о сохраняющихся по его оценке обстоятельствах, дающих на то основание (часть вторая статьи 140 УПК Российской Федерации). Подобная отмена названным должностным лицом постановления о возбуждении уголовного дела и возбуждение им же идентичного, по сути, уголовного дела два дня спустя, как это произошло в деле заявителя, не оставляют сомнений в намерении продолжить уголовное преследование, обоснованность которого подлежала дальнейшей оценке по результатам расследования и разрешения дела судом.

Означенные действия руководителя следственного органа с целью исправления ошибочного, по его мнению, процессуального решения следователя (что, впрочем, не является общепринятой практикой) не определяют оценку временного отстранения от должности как незаконного и тем более не устанавливают возникновения права на возмещение причиненного ее применением вреда. В подобной ситуации – в отличие от ситуации, когда отмена постановления о возбуждении уголовного дела не сопровождалась бы возбуждением нового идентичного уголовного дела, по которому позднее вынесен обвинительный приговор, – законность и обоснованность примененного на основании решения суда временного отстранения от должности может опровергаться, в частности, отменой такого судебного решения в установленном (апелляционном, кассационном) порядке или признанием судом незаконности этой меры принуждения при разрешении уголовного дела по существу, несмотря

на то что законность и обоснованность уголовного преследования в целом в конечном итоге подтверждается обвинительным приговором.

Кроме того, обязательным условием возмещения вреда, причиненного незаконным применением меры процессуального принуждения, включая временное отстранение от должности, является установление судом обусловленности имущественного ущерба (в данном случае утраченной заработной платы) именно незаконностью и необоснованностью примененной в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры принуждения. Это, в частности, предполагает, что подлежащий возмещению вред причинно обусловлен деяниями органов публичной власти и должностных лиц, а не просто с ними сопряжен – косвенно или предположительно (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2010 года № 5-П и от 23 сентября 2021 года № 41-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 года № 2702-О).

Тем самым, разрешая в порядке главы 18 УПК Российской Федерации вопрос о возможном возмещении вреда, причиненного временным отстранением от должности, суд обязан установить, причинен ли подозреваемому (обвиняемому) вред как таковой и обусловлен ли он необоснованным решением о возбуждении уголовного дела, притом что производство по уголовному делу по признакам того же преступления продолжено, а также признана ли в установленном порядке незаконность применения данной меры принуждения. Суду надлежит, в частности, оценить не только нарушение процессуальных норм, на основе которых применялось временное отстранение от должности, но и характер и значимость такого нарушения в контексте уголовного преследования, его влияние на производство по уголовному делу и устранение его в уголовном процессе, если таковое имело место. Содержательная оценка законности названной меры принуждения также предполагает установление того, была ли она необходимой и разумной (или, наоборот, напрасной) в конкретных обстоятельствах, послуживших основанием для ее применения.

При этом следует также исходить из того, что законом установлен единый процесс производства по уголовному делу (включая проверку

сообщения о преступлении, возбуждение и расследование дела, порядок устранения процессуальных ошибок и применения мер процессуального принуждения, в том числе временного отстранения от должности), предметно и сущностно объединенный подлежащими доказыванию обстоятельствами, назначением уголовного судопроизводства, касающегося того же лица и события преступления. Законом установлены единые и равные гарантии обеспечения судебной защиты прав и свобод, реализуемые как при избрании судом меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности, так и при последующей оценке законности и обоснованности ее применения. Потому и вопрос о возможном причинении вреда при применении мер принуждения подлежит разрешению с учетом всей совокупности обстоятельств уголовного дела и итогового решения по нему.

Иной подход – допускающий безусловное (автоматическое) возмещение утраченной в результате временного отстранения от должности заработной платы лицу, правомерность уголовного преследования которого подтверждена вступившим в законную силу обвинительным приговором, исключаящим его реабилитацию, а законность и обоснованность применения к нему этой меры процессуального принуждения не опровергнута в установленном законом порядке с учетом всей совокупности обстоятельств уголовного дела, – не только дезавуировал бы цель временного отстранения от должности в качестве меры, обусловленной подозрением (обвинением) в совершении преступления, но и умалял бы значение решений судов как актов правосудия и тем самым вел бы к отступлению от принципов законности, справедливости и равенства вопреки требованиям статей 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2), 53, 55 (часть 3) и 118 Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать статьи 111, 114 и часть третью статьи 133 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают правомочие суда при отсутствии права осужденного на реабилитацию принять решение о возмещении ему имущественного вреда (утраченной заработной платы), причиненного его временным отстранением от должности вследствие подозрения в совершении преступления, подтвержденного впоследствии обвинительным приговором, при условии подтверждения в установленном законом порядке и с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела незаконного и необоснованного применения указанной меры принуждения и установления обусловленности причинения осужденному имущественного вреда (утраты заработной платы) ее незаконностью и необоснованностью.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл статей 111, 114 и части третьей статьи 133 УПК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Судебные решения, вынесенные по делу гражданина Пономарева Павла Васильевича на основании статей 111, 114 и части третьей статьи 133 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 27-П

Конституционный Суд
Российской Федерации